

Газетная полемика об институте генерал-губернаторства на западнорусских окраинах

А. Э. Котов

Для цитирования: Котов А. Э. Газетная полемика об институте генерал-губернаторства на западнорусских окраинах // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 858–874.. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.403>

На 1888 г. пришлось сразу несколько знаковых событий: празднование 900-летия крещения Руси, катастрофа в Борках, последующие преобразования в железнодорожном деле, начало дискуссий о проекте земских начальников и восшествие на престол Вильгельма II. В истории русского консерватизма этот год стал своеобразным рубежом: после ухода из жизни таких признанных духовных вождей, как И. С. Аксаков и М. Н. Катков данное общественное направление оказалось в состоянии кризиса. Оно и ранее не было единым целым: еще с 1860-х гг. в общественной и правительственной среде шла борьба двух разновидностей консерватизма: сословно-аристократического и национального. Одним из важнейших предметов ожесточенных дискуссий между представителями этих направлений был польский вопрос, заключавший в себе не только национальную, но и социально-политическую проблематику. Сохранилась его актуальность и в конце 1880-х гг., когда националистический лагерь был представлен эпигонами М. Н. Каткова и А. С. Сувориным, а среди сословных консерваторов выделялись В. П. Мещерский и К. Н. Леонтьев. Оба идейно-литературных направления инспирировались влиятельными сановниками: с одной стороны, К. П. Победоносцевым, с другой — Т. И. Филипповым. Наиболее яркими эпизодами этой идейной борьбы стала полемика вокруг киевских торжеств, посвященных 900-летию Крещения Руси. Неожиданная смерть на этих торжествах киевского генерал-губернатора А. Р. Дрентельна обострила споры о необходимости сохранения генерал-губернаторства в Северо-Западном и Юго-Западном краях. Этот институт в то время рассматривался как чрезвычайный, и полемика о нем стала одновременно полемикой о том, в какой степени решен в этих регионах польский вопрос. В развернувшейся дискуссии за сохранение генерал-губернаторств выступили националистические издания «Новое время» и «Киевлянин». В когорту противников генерал-губернаторства вошли консервативный

Александр Эдуардович Котов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.kotov@spbu.ru

Aleksandr E. Kotov — Dr. Sci. (History), Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.kotov@spbu.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00073-П «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.».

This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 19-18-00073-P “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th — 20th Centuries”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

«Гражданин», либеральные «Новости», а также выходившая в Петербурге польская газета «Край». Своеобразную позицию заняло либеральное «Киевское слово».

Ключевые слова: консерватизм, национализм, публицистика, Суворин, Мещерский, Победоносцев, Леонтьев, киевское генерал-губернаторство, Украина, Белоруссия.

Newspaper Controversy about the Institution of the Governorates General in the Western Russian Periphery

A. E. Kotov

For citation: Kotov A. E. Newspaper Controversy about the Institution of the Governorates General in the Western Russian Periphery. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 4, pp. 858–874. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.403>

Several significant events simultaneously took place in 1888: the celebration of the 900th anniversary of the baptism of Rus', the disaster in Borki and subsequent transformations in the railway business, the beginning of discussions about the project of land captains (head of *zemstvo*), the accession to the throne of Wilhelm II. In the history of Russian social thought, or rather, in the history of the conservative “camp”, this first years after the death of M. N. Katkov and I. S. Aksakov became a year of decisive crisis. The so-called “Russian conservatism” had never been a single entity. Ever since the 1860s, two different types of conservatism opposed each other – aristocratic and national. One of the most important subjects of constant discussions between these camps was the Polish question, which encompassed not only national, but also social problems. It remained relevant in the late 1880s, when the nationalist camp was represented by the epigones of M. N. Katkov and by A. S. Suvorin. V. P. Meshcherskii and K. N. Leontiev stood out among the class conservatives. Both ideological and literary trends were inspired by influential dignitaries: on the one hand, by K. P. Pobedonostsev, on the other, by T. I. Filippov. The most striking episode of this ideological struggle was the controversy around the Kiev celebrations dedicated to the 900th anniversary of the baptism of Rus'. The unexpected death at these celebrations of the Kiev Governor-General A. R. Drentel'n exacerbated the debate about the need to maintain the governor-general in the North-Western and South-Western regions. This institution at the time was regarded as emergency, and the controversy about it became at the same time a controversy about the extent to which the Polish question was resolved in these regions. In the ensuing discussion, the nationalist publications “Novoye Vremya” and “Kievlianin” supported the preservation of the governorates. The cohort of opponents of the governorates included the conservative “Grazhdanin”, the liberal “Novosti”, and the Polish newspaper “Kraj”, which was published in St. Petersburg. A peculiar position was taken by the liberal “Kievskoe slovo”.

Keywords: conservatism, nationalism, journalism, Suvorin, Meshcherskii, Pobedonostsev, Leontiev, Kiev Governorate General, Ukraine, Belarus.

Високосный 1888-й год не стал ни великим, ни страшным. Однако на него пришлось сразу несколько знаковых событий: празднование 900-летия Крещения Руси¹, железнодорожная катастрофа в Борках и последующие преобразования в железнодорожном деле, начало дискуссий о проекте земских начальников, смерть сразу двух германских императоров и восшествие на престол Вильгельма II. В истории же русской общественной мысли, а точнее якобы торжествовавшего

¹ Колман Х. По сценарию властей?: Победоносцев и празднование 900-летия крещения Руси в Киеве // Родина. 2015. № 2. С. 72–74.

в этот период консервативного лагеря, первый год после смерти М. Н. Каткова стал моментом решающего кризиса.

Так называемый русский консерватизм никогда не был единым целым. Еще с 1860-х гг. друг другу противостояли сословно-аристократический и национальный разновидности консерватизма, в свою очередь делившиеся на различные оттенки². Одним из важнейших сюжетов постоянных дискуссий между этими лагерями был польский вопрос — политическое значение которого заключало в себе не только национальную, но и социальную проблематику³. Скомпрометировав себя сочувствием польской шляхте, сословные консерваторы в этом противостоянии проиграли — и в 1870-х гг. новый апологет русского дворянства Р. А. Фадеев⁴ искал компромисса с националистическим «русским направлением». Ярким воплощением этого поиска стала газета «Русский мир». Впрочем, уже тогда у политического русского национализма появляются новые критики: В. П. Мещерский⁵, Н. Н. Дурново и К. Н. Леонтьев⁶. За их спиной стоял главный оппонент К. П. Победоносцева⁷, М. Н. Каткова, Н. П. Игнатьева и примкнувшего к ним А. С. Суворина — ставший в 1889 г. государственным контролером (а до этого долгое время занимавший должность товарища последнего и фактически руководивший Государственным контролем) Т. И. Филиппов.

Вражду Победоносцева и Филиппова В. П. Мещерский объяснял позднее личными соображениями⁸, однако их разногласия носили принципиальный характер⁹. Первый был сторонником синодального строя, второй выступал за самостоятельную политическую роль Православной Церкви и созыв Вселенского Собора. Диаметрально противоположные позиции заняли два государственных деятеля во время греко-болгарского церковного раскола 1872 г. Еще более враждебным было отношение Филиппова к Каткову, за борьбу с наследием которого Третий Иванович принялся сразу после ухода из жизни «московского громовержца»¹⁰.

Частью этой полемики была и публикация на страницах «Гражданина» в 1888 — начале 1889 г. ставших ныне классическими трудов К. Н. Леонтьева «На-

² Обширная историография данной проблематики выходит за рамки статьи. Об истории этого противостояния и используемом автором понятийном аппарате подробнее см.: *Котов А. Э.* «Народность» и «сословность»: два полюса русского консерватизма // *Христианское чтение.* 2017. № 2. С. 288–306.

³ *Głębocki H.* A Disastrous Matter: The Polish Question in the Russian Political Thought and Discourse of the Great Reform Age, 1856–1866. Krakow, 2018; *Аржакова Л. М.* Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб., 2010. Также см.: Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли / под ред. А. Т. Урушадзе. Ростов-на-Дону, 2020.

⁴ *Кузнецов О. В.* Р. А. Фадеев: Генерал и публицист. Волгоград, 1998.

⁵ *Черникова Н. В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017.

⁶ *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб., 2012.

⁷ *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.

⁸ *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. М., 2003. С. 785–786.

⁹ *Алексеева С. И.* К. П. Победоносцев в оценке Т. И. Филиппова // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. СПб., 2007. С. 120–126.

¹⁰ О других аспектах этого противостояния подробнее см.: *Kotov A. E.* “Nestlings From the Katkov Brood” in the Late 1880s: Nationalists in the Empire // *Social Sciences.* 2023. Vol. 54. P. 106–120.

циональная политика как орудие всемирной революции» и «Плоды национальных движений на православном Востоке». Ярким эпизодом этой идейной борьбы стала также полемика вокруг киевских торжеств, посвященных 900-летию Крещения Руси. Прежде всего, «Гражданин» возмутился тем, что в подготовке праздника участвовал Н. П. Игнатьев, которому приписывалась «печальная и оскорбительная для достоинства и правды Православной Церкви мысль» пригласить на торжества осужденных Константинопольским патриархом болгарских епископов¹¹. «Гражданину» возражали «Московские ведомости», усмотревшие в процитированном «Дневнике» «клеветы и инсинуации против лица, пользующегося и общим, и заслуженным уважением», требовавшие назвать имя человека, в интересах которого появился указанный материал¹². Внимательно следившая за полемикой А. В. Богданович заметила в своем дневнике, что в этой статье «Московских ведомостей» «сквозит желание уязвить не столько Мещерского, сколько Третия Филип[п]ова, они намекают, что “Гражданин” его проводит в представителя [глав]ного на этот праздник, и требуют, чтобы было названо им имя, этим кончают статью»¹³.

Однако для Мещерского и Филиппова личное переплеталось здесь с идеологическим. Свою главную претензию к киевским торжествам «Гражданин» предъявил позднее. В июле на его страницах появились неподписанные «Письма о Церкви», в которых указывалось на двойственный характер праздника, противоречие между «обстановкой того блеска и мощного роста, который Бог дал России за эти 900 лет», и «совпадением событий и бытовых подробностей, составляющих в нынешнее время положение нашей Церкви, от которых веет и грустью, и печалью». Далее автор задавался целой серией риторических вопросов: «Кого Церковь Русская в течении веков признает матерью своею? Не ту ли Константинопольскую Церковь, которой Бог судил крестить языческую Русь? Где она на этом празднике ее возвеличенной Богом дочери? Нет ее! Где сестры Российской Церкви, другие Церкви Востока? Их тоже нет! Где славянские Православные Церкви?» Все это представлялось как торжество «поверженного перуна», который, «разрушенный как камень, ожил и размножился в виде моря людей с гордым умом и сухим сердцем, которые явились в христианский мир смущать и тревожить его мирную жизнь своим духом сомнения, духом отрицания, духом вражды против духа любви христианской Церкви». Как следствие, «киевское празднество являет на деле это помутившееся сегодня понятие в духе времени...»¹⁴.

Статья эта была написана, по-видимому, либо самим Филипповым, либо кем-то из его ближайших единомышленников. Во всяком случае, те же мысли Третий Иванович более кратко излагал в октябре того же года в письме К. Н. Леонтьеву: «Болгарские события, оборвав наши связи с Востоком, создали наше одиночество, которым мы начинаем еще нагло гордиться. Катков не раз повторял, что Россия и Православие — одно и то же. Победоносцев идет по его стопам и измышляет все, что может привести к окончательному разрыву нашему с Востоком»¹⁵. Впрочем,

¹¹ Дневник // Гражданин. 1888. № 169. 19 июня. С. 2.

¹² Передовая статья // Московские ведомости. 1888. № 173. 24 июня. С. 1.

¹³ Богданович А. В. Дневник. Июнь — октябрь 1888 // Российский государственный исторический архив. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 240. Л. 12 об.

¹⁴ Письма о Церкви // Гражданин. 1888. № 196. 16 июля. С. 2.

¹⁵ Пророки византизма: переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891). СПб., 2012. С. 508.

воздействие «языческого перуна», которым грозил православный публицист, оказалось даже более оперативным: уже в день выхода статьи столичные жители могли прочесть в газетах, что 15 июля «во время юбилейной процессии, в двенадцатом часу дня, генерал-губернатор Дрентельн, осматривая войска, внезапно скончался от апоплексического удара близ ограды Михайловского монастыря. Некоторые полагают, что смерть наступила от солнечного удара»¹⁶. Трагедия совпала еще с одной публицистической кампанией «Гражданина», на этот раз направленной против института генерал-губернаторства в Северо-Западном крае.

Начало этой кампании А. В. Богданович отметила еще 7 июня, записав, что Мещерский «нападает на центральное управление Западного края, говорит, что Муравьев все там исправил в 2 года, а после него все только портят его работу»¹⁷. В эти дни В. П. Мещерский размышлял об услышанной им истории удаления из виленского училища ученика за разговор с матерью по-польски. Князь отказывался верить в правдивость этого сообщения, однако указывал на его связь «с некоторыми другими подобными по характеру фактами, происходящими в том же Западном крае и отражающими не какую-нибудь ясную, умную и последовательную систему, сколько проявления бесцельных преследований, вызывающих в терпящих от них раздражение, или необдуманных фантазий и нерассудительных капризов. К числу таких фактов может быть отнесено, например, гонение на несчастных разного рода писцов в присутственных местах и увольнение их только потому, что они католики... Ничего нельзя представить себе предосудительнее жалких гонений в тех сферах, где они не имеют других последствий, как обрекать массу беззащитного люда на голод и нищету только потому, что они исповедуют римско-католическую веру». «Проявление власти в мелочах с отсутствием проявления всякой власти в серьезных и важных вопросах края» Мещерский характеризовал как последовательное 25-летнее уничтожение остатков «муравьевской системы» в крае. В результате «хороших русских в Западном крае гораздо меньше теперь, чем было их 25 лет назад; поляки бежали из края насколько могли и заполнили собою чуть ли не все русские железные дороги; православие ни на шаг не усилилось...» Это давало публицисту повод усомниться в необходимости самого института генерал-губернаторства в регионе¹⁸.

Два дня спустя князь развивал эту мысль, утверждая, что «диктаторские» полномочия виленского генерал-губернатора были необходимы в 1863 г. для решения стоявших перед Муравьевым задач, однако после их решения привели к «уклонению и обособлению от общего политического управления России, в министерстве внутренних дел сосредоточенного». Смена политики генерал-губернаторов усугубляла ситуацию: «...Будничная эта зыбь, мешающая краю успокоиться, есть неотъемлемая принадлежность генерал-губернаторского учреждения с политической окраской на бумаге, но без политического дела...» Это давало князю возможность указать новую панацею для исцеления стоявших перед регионом проблем: «Политического спора давно нет в Западном крае. Он русский, и конец. Заниматься там политикой национального вопроса только вредно интересам русских и выгодно полякам <...> губернаторы, каждый в своей губернии, под управлением министра внутренних дел, в каких-нибудь 3, 4 года сто раз более сделают для окончательного

¹⁶ Московские ведомости. 1888. № 195. 16 июля. С. 3.

¹⁷ Богданович А. В. Дневник. Июнь — октябрь 1888. Л. 26.

¹⁸ Дневник // Гражданин. 1888. № 151. 1 июня. С. 3.

слияния края с русской жизнью, чем генерал-губернатор в разных личностях мог это сделать в 25 лет»¹⁹. 12 июля князь подтвердил недостоверность сообщения об отчислении «гимназиста» за польскую речь, однако продолжал настаивать на неэффективности местного генерал-губернаторства, следствием деятельности которого стали только «отсутствие русских в крае, ополячение имеющих, преследование польской мелюзги и привилегия крупных поляков»²⁰.

Важно отметить, что позиция «Гражданина» не противоречила при этом ни лозунгам «обрусения» западнорусских окраин, ни заветам М. Н. Муравьева, которого, впрочем, опасались в свое время критиковать даже считавшиеся полонофильскими «Весть»²¹ и досуворинское «Новое время»²². Однако Мещерский и Филиппов не порывали и с «кружком виленских русификаторов» И. П. Корнилова, чей салон в Петербурге долгое время был одним из центров «русской партии»²³. Так, 5 октября Мещерский цитировал в своем газетном «Дневнике» письмо одного из младших представителей корниловского кружка, публициста А. Владимирова, посвященное 25-летию со дня смерти М. Н. Муравьева и необходимости установки в Вильне памятника ему. Сравнивая покойного графа с Дмитрием Пожарским, князь Владимир Петрович предварял публикацию следующими грустными размышлениями: «Что поляки не любят память Муравьева — это более чем понятно, и винить их никому не придет в голову. Но нам забывать память Муравьева преступно, преступно потому, что немного столь великих людей имела Россия, как Муравьев <...> Старый, больной и один пошел Муравьев в Вильну из любви к своей родине и в несколько месяцев покончил спор целого столетия... Россия его благословляла, Петербург его посылал с мыслью: авось умрет, авось замрет его дело, авось восторжествует польщизна... И вот, в мае нынешнего года минуло 25 лет с того года, — и мы, петербуржцы, забыли эту годовщину! На радость полякам, разумеется... Помяловского какого-то я на днях встретил в каком-то журнале память 25-летия, а Михаила Николаевича Муравьева — 25-летие мы забыли!!!»²⁴ Завершался текст «Дневника» цитированием призыва самого Владимирова: «Для русского имя Муравьева значит: патриотизм Пожарского, восстановление русской народности, государственности и православия в Западной России, и памятник ему в Вильне будет символом утверждения этих начал в этой исконно русской стране. Вместе с тем он будет выражать и *русское спасибо* великому русскому деятелю и его сподвижникам, а польскому легкомыслию он будет непрестанно говорить: “Memento!..”»²⁵

Тем не менее смерть киевского генерал-губернатора и долгие поиски его премника (А. П. Игнатев был назначен на эту должность лишь летом 1889 г.) вкупе с лишь частично верным общим убеждением в особенной осведомленности ре-

¹⁹ Зыбь в Северо-Западном крае // Гражданин. 1888. №153. 3 июня. С. 2

²⁰ Дневник // Гражданин. 1888. № 192. 12 июля. С. 2.

²¹ Ведерников В. В. Национальный вопрос в зеркале консервативной публицистики. Газета «Весть» // Исторические записки. 2006. № 9. С. 137–169.

²² Дворниченко А. Ю., Белоусов М. С., Белоусов А. С., Тесля А. А., Комзолова А. А., Котов А. Э., Банашкевич М., Гусман Л. Ю., Пученков А. С., Самыловская Е. А., Кудрявцева Р.-Е. А. Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве. СПб., 2022. С. 368–415.

²³ Котов А. Э. «Нравственный Кавказ» И. П. Корнилова // Российская история. 2018. № 5. С. 46–59.

²⁴ Дневник // Гражданин. № 277. 5 октября. С. 1–2.

²⁵ Там же.

доктора «Гражданина» не могли не привлечь внимания киевской общественности к его статьям. На распространение слухов о возможном предстоящем упразднении киевского генерал-губернаторства обратила внимание и столичная печать. В развернувшейся дискуссии за сохранение этой институции выступили прежде всего националистические издания, флагманом которых к этому времени стало «Новое время». В газету перешли наиболее яркие представители младшего поколения «катковцев», а сам А. С. Суворин в это время сблизился с Победоносцевым. В фарватере «Нового времени» шел и «Киевлянин»²⁶. В несколько нестройную когорту противников генерал-губернаторства вошли консервативный «Гражданин», либеральные «Новости», а также выходившая в Петербурге польская газета «Край» (“Kraj”)²⁷. Своеобразную позицию заняло либеральное «Киевское слово».

Анализируя первые «замечания» «заинтересованных органов нашей прессы» в развернувшейся после смерти Дрентельна дискуссии, «Новое время» указывало на то, что вопрос о необходимости генерал-губернаторства не является новым: «не раз он возбуждался в печати, не раз разрешался и практикой, большею частью, в отрицательном смысле». Газета констатировала «переходный характер» учреждения, само существование которого «обуславливается какими-нибудь особыми причинами, или не вполне совершившейся еще организацией края, или требованиями пограничного положения, или внутренними чрезвычайными событиями, эпидемиями, смутами и т. п.». Таким образом, суть дискуссии сводилась к вопросу о «нормальности положения края, ввиду преобладающего в нем положения польского и еврейского элементов, а также усиливающегося значения немцев». «Новое время» разделяло убеждение «Киевлянина» в том, что генерал-губернаторская власть «одна только стоит на достаточной высоте, чтоб парализовать упомянутые могучие инородные и иноверные силы, представительницы нерусских интересов». Газета также полемизировала с «Краем», указывавшим на положительный, по его мнению, пример отсутствия генерал-губернаторства в Минской, Витебской, Могилевской и прибалтийских губерниях — особенно в последних, где (как признавало и «Новое время») «генерал-губернаторство в свое время скорее бывало в некоторые периоды оплотом обособленности». Здесь его ликвидация и в самом деле способствовала «русскому делу», так как «одна близость их к столице» «делала удобным и непосредственное отношение центральной власти к местным делам и вопросам». В западнорусских же губерниях, по мнению суворинской газеты, это было невозможным, и поэтому, заключал публицист, «удостоверяемые “Краем” стремления поляков к сравнению с остальными русскими подданными, конечно, найдут именно в генерал-губернаторе самого лучшего истолкователя пред центральной властью»²⁸.

Куда более рьяно «Новое время» обрушилось на вечного своего противника, указав несколько дней спустя на то, что ««Гражданин», вероятно, искренно считающий себя газетой русской и притом строго-консервативной, заговорил вдруг в уни-

²⁶ Федоров Д. А. Дмитрий Иванович Пихно — редактор-издатель газеты «Киевлянин» (1879–1913 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17, № 4. С. 157–167.

²⁷ Дворниченко А. Ю., Белоусов М. С., Белоусов А. С., Тесля А. А., Комзолова А. А., Котов А. Э., Банашкевич М., Гусман Л. Ю., Пученков А. С., Самыловская Е. А., Кудрявцева Р.-Е. А. Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве. С. 339–367.

²⁸ Передовая статья // Новое время. 1888. № 4562. 9 ноября. С. 1.

сон с здешней польской газетой “Край”. «Новое время» обвинило Мещерского в том, что он «пытается польскую мысль подать под соусом русского консерватизма». Собственно, подчеркивание необходимости в регионе чрезвычайной власти и было главной задачей статьи: «в Юго-Западном крае есть свои особые государственные задачи, обусловленные историческими причинами и особыми отношениями народностей, его населяющих, как между собою, так и к русской государственности, — задачи весьма важные и притом особенно деликатного характера, отнюдь не укладывающиеся в рамки местного управления, и успешное осуществление этих задач едва ли даже мыслимо путем письменных сношений с Петербургом». К проблемам, разрешение которых было невозможно путем выполнения формальных инструкций из центра, публицист суворинской редакции относил польский и еврейский вопросы, а также «вопрос между великорусскою и малорусскою отраслями русского народа, — вопрос фальшивый в существе, но тем более требующий внимания и забот русской государственной власти». В них, по мнению «Нового времени», «всякие инструкции, всякое письменное, т. е. заглазное руководство из прекрасного далека <...> в лучшем случае увеличит бесплодную переписку, а в худшем случае может страшно повредить, ибо в делах такого рода многое зависит именно от личного наблюдения и такта, от принятия в расчет таких условий и обстоятельств, которые не укладываются на бумагу и которые из Петербурга можно даже не заметить, примеры чего в изобилии представляет новейшая история упомянутых вопросов». Идея же облечения обычных губернаторов подобной чрезвычайной властью представлялась неуместной «не потому только, что при одном генерал-губернаторе обеспечивается единство политики в крае, но и по тому простому расчету, что легче найти одного генерал-губернатора, вполне отвечающего своему назначению, чем трех»²⁹.

Князь Мещерский охотно поднял брошенную перчатку, начав свою отповедь с «благодарности за уроки патриотизма», преподанные ему оппонентом. Правда, при этом он уточнял, что понимает патриотизм не так, как его самозванный учитель из «Нового времени»: «Ему представляется он в виде болтовни и энтузиазма на темы, волнующие публику на улицах и площадях; повторять то, что все говорят, увлекаться тем, чем все восторгаются, кричать, когда все орут, — это по понятиям нашего учителя называется патриотизмом». Известный своим скепсисом по отношению к славянскому делу, редактор «Гражданина» апеллировал к урокам общественного подъема накануне Русско-турецкой войны: «Нашему учителю представляется, что его славянские увлечения к войне в 1876 году, когда все этого требовали, были патриотическим подвигом, а нам представляется, что подвиг патриотизма совершил старец Тьер, когда один в целой шумной палате в Париже говорил против всех и совпадал в мыслях скорее с королем прусским Вильгельмом, своим завтрашним врагом, чем с своим императором и с своими патриотами, кричавшими à Berlin»³⁰.

Исходя из подобного понимания патриотизма князь и брался утверждать, что «генерал-губернаторы в Северо-Западном и Юго-Западном краях России не только не нужны для русских интересов, но безусловно вредны». На упрек «Нового времени» в солидарности с польским «Краем» Мещерский отвечал: «...мы очень рады воспользоваться этой некрасивостью, выкинутой нашим противником, чтобы

²⁹ Генерал-губернаторская власть в Юго-Западном крае // Новое время. 1888. 13 ноября. С. 2.

³⁰ О генерал-губернаторах в Западном крае // Гражданин. 1888. № 318. 15 ноября. С. 2.

объяснить ясно и категорично, в чем по данному вопросу мы расходимся с органом польских мыслей там, где с первого взгляда мы сходимся, и в чем мы безусловно расходимся с патриотическими мыслями «Нового времени». Далее следовали довольно длинные разъяснения того, что поляки хотят избавиться от генерал-губернаторства из-за того, что они, как и «Новое время», считают это учреждение инструментом «обрусения», «Гражданин» же (вопреки тем и другим) утверждал, что «с упразднением генерал-губернаторства в Вильне и Киеве поляки утратят последнюю надежду на лучшие дни, в смысле их политических мечтаний, и польский вопрос кончится, как кончается он, например, в Витебской губернии, невзирая на недавнее его высвобождение из-под опеки виленского генерал-губернаторства». Помимо своеобразно понимаемого патриотизма, Мещерский ссылался на свое знание местных реалий, утверждая, что изучил их на собственном опыте: «...не в Петербурге, а лично на месте, в Юго-Западном крае, где мы по три месяца жили и ездили три раза: раз во время мятежа, а два раза после, в Западном крае, где мы были два раза, и в Остзейском крае, где мы по аналогии изучали этот генерал-губернаторский вопрос при губернаторе и без генерал-губернатора». Опираясь на этот опыт, князь признавал роль, сыгранную генерал-губернаторами в годы польского мятежа, «но как только мятеж подавлен и порядок восстановлен, и начинается политика управления, тогда сосредоточение этого управления в одном центре края и в одном лице является одною из тех крупных государственных ошибок, которые не только не продолжают дело, начатое генерал-губернатором умиротворителем, но прямо прекращают его, портят и постепенно разрушают»³¹.

Консервативный публицист указывал прежде всего на «безответственность» генерал-губернаторской власти перед общественным мнением и ссылался на «принцип государственной мудрости», признающий «всякое безответственное правительственное учреждение в высшей степени вредным для государственных интересов». Не называя прямо имени А. Л. Потапова, Мещерский напоминал об «изгнании из края русских способных людей совершенно тем же процессом, каковым они были призываемы в край Муравьевым», а также о «высылке из края таких крупных и доблестных русских деятелей, как попечитель учебного округа Батюшков, как виленский губернатор Шестаков (ныне управляющий Морским министерством)». Как следствие, «все крупные польские землевладельцы <...> не только остались в своей силе, но стали еще сильнее; народное образование, сделавшее в русском духе столь огромные шаги при попечителях Корнилове и Батюшкове, сбитое с толку после, теперь лишилось огня и нервов»³².

Что же до русских землевладельцев, то они, по мнению князя, вполне в духе газеты «Весть» увязывавшего любую защиту крестьянских интересов с крамольным социализмом, «оказались в руках беззастенчиво красных крестьянских учреждений, которых лозунг был и есть доселе — нарушать все основные права собственности в пользу крестьян против помещиков». Наконец, еще одним результатом генерал-губернаторского произвола стало то, что «на австрийской границе Юго-Западный край шаг за шагом успел сделаться германо-чешскою колониєю». Далее Мещерский рассуждал: «В острые и критические времена, когда известное выбранное Государем лицо получает для умиротворения края эту безответственность в виде

³¹ О генерал-губернаторах в Западном крае // Гражданин. 1888. № 318. 15 ноября. С. 2.

³² Там же.

диктатуры — самый факт безответственности поглощается, так сказать, тем, что такое лицо получает определенную историческую задачу к выполнению на короткое время, и степень его выполнения является мерилем его ответственности. Но в мирное время отдавать целый край, а следовательно, интересы всего государства, в безответственное распоряжение обыкновенного государственного лица (гении в расчет не входят, когда их нет) для какой то неопределенной политической задачи, — это, очевидно, — значит на практике верить судьбы целой части России или личным фантазиям генерал-губернатора, или, что еще хуже, — влиянию его канцелярии, и не разрешая ни на йоту политического вопроса, мешать водворению в крае когда бы то ни было нормального порядка». Как бы игнорируя прежние аргументы «Нового времени» и «Киевлянина», Мещерский вновь напоминал об опыте Витебской губернии, где «губернатор и исправник, опираясь на закон и на свое начальство, не могут бояться ни Осинских, ни Тишкевичей, — как боятся их, по видимому, в Вильне, и губерния делается русскою просто и спокойно, посредством администрации сверху и народа со школою и церковью — снизу»³³.

В свою очередь, «Киевлянин» 17 ноября посвятил судьбам генерал-губернаторства очередную передовицу, в которой продолжал отстаивать наличие в крае условий для чрезвычайной власти: «В польской печати мы не помним ни одного мнения, которое признало бы Юго-Западный край *русским* в том смысле, как понимают это слово русские люди. Наиболее умеренные из поляков признают наш край *польско-малорусским*, но считают малороссов отдельною национальностью от “россиян” или “москалей”, притом национальностью, гораздо более близкою к полякам, нежели к “москалям”. Соединение Юго-Западного края с Россиею они признают, как и присоединение Царства Польского, результатом силы и военной удачи и не видят тут органической связи». Поэтому, утверждала газета, «только детские воззрения на историю могут допустить, что такой крупный исторический вопрос, как польский, ныне уже упразднен, и только при большом запасе политического легкомыслия можно пускать в оборот среди русского общества мнение, что в западнорусском крае государственная идея достигла полного торжества, переработала даже воззрения самих поляков и потому правительство и общество могут почитать на лаврах»³⁴.

В тот же день «Новое время» обрушилось с критикой на «длинную и по обыкновению малограмотную статью “Гражданина”», в которой тема о безответственности генерал-губернаторской власти «размазывается... совершенно в том же духе, как ее размазывали либеральные... полякофилы шестидесятих годов». Признавая назначения А. Л. Потапова и А. А. Суворова неудачными, «Новое время» задавалось ироническим вопросом: «...разве неудачный выбор составляет привилегию только генерал-губернаторского поста? Мы, по крайней мере, без труда насчитали бы десятки неудачных министров и других высших сановников, не говоря уже о губернаторах <...> По логике “Гражданина” пришлось бы закрыть решительно все министерства, потому что нет ни одного, которое не было бы когда-нибудь в руках неудачного министра». Отвергала газета и аргумент о Витебской губернии, «никогда не бывшей в такой мере польскою, как прочие губернии того же края», и следовательно, изначально не нуждавшейся в генерал-губернаторской власти. В заклю-

³³ Там же.

³⁴ Передовая статья // Киевлянин. 1888. № 249. 17 ноября. С. 2.

чение Мещерскому вновь напоминали, что «бывший редактор покойной “Вести” не меньше его считал себя патриотом и консерватором, а в польском вопросе оказался единомышленником с кружком Сераковского и Огризки и печатал статьи, составлявшиеся и редактировавшиеся членами этого кружка... Пример этот тем более поучителен, что нынешняя статья “Гражданина” как будто прямо выхвачена из “Вести”. Тут есть даже обвинение русской администрации края в том, что она красная и душит помещиков, — мотив, на который так искусно играли польские патриоты, писавшие статьи для “Вести”»³⁵.

Три дня спустя суворинская газета продолжала спор, настаивая на невозможности «применения к Юго-Западному краю тех принципов, которыми руководится правительство по отношению к внутренним губерниям». Важнейшим из них была, по мнению, редакции, опора на дворянство, которое в регионе оставалось по преимуществу польским, а сам «польский элемент» — более сплоченным, что неизбежно сделало бы его «хозяином в крае». В отличие от близкого и более лояльного к Петербургу Прибалтийского края, на юго-западе «приходится бороться с силой более крупной, и главное, в таких условиях, что русская власть по необходимости должна быть сдержанной и в то же время неусыпно следить за кропотливой подземной работой, направленной против русского дела». В качестве подтверждения «Новое время» печатало письмо из Варшавы «По генерал-губернаторскому вопросу», в котором утверждалось, что «в Западном крае, и преимущественно в Юго-Западном, оставшиеся поляки-помещики более проникнуты польскими фантазиями и ненавистью к России, чем в самом Царстве Польском. Это уже факт, с которым считаться может только генерал-губернаторская власть». Далее автор письма разъяснял невозможность переложить управление на губернаторов, подконтрольных Министерству внутренних дел: «Министерства, как центральные учреждения, естественно стремятся к обобщениям, к подведению всех отдельных областей под один уровень, под одну мерку <...> Стремление министерств к объединению и обобщению подтверждается и на практике постоянными мелкими недоразумениями между генерал-губернаторами и министерствами: министерства стараются применять во всей мере общие законы и правила, генерал-губернаторы стараются отстаивать местные исключительные меры. Но такие недоразумения и иногда препятствия может выдерживать генерал-губернаторская власть, облеченная исключительным Высочайшим доверием, и они совсем не по силам губернаторам»³⁶.

Активно продолжал полемику и «Киевлянин», указывавший на конкретные социально-экономические проблемы региона, разрешить которые его редакции представлялось невозможным без участия генерал-губернатора. Проблемы эти, впрочем, были традиционными для газеты: «Польское дворянство и крупное польское землевладение и ныне составляют вполне реальную и внушительную силу в крае; не утратили своего значения и притязания католического клира, и не изменился исторический характер этого клира; еврейский вопрос еще несколько лет тому назад вызвал серьезное потрясение в жизни края; наплыв иностранных поселенцев серьезно беспокоил правительство». В качестве правительственных мер, направленных на решение этих вопросов, «Киевлянин» указывал на ряд недавних законов: «закон о польском землевладении по долгосрочным арендам и заклад-

³⁵ «Гражданин» о генерал-губернаторах // Новое время. 1888. № 4570. 17 ноября. С. 2.

³⁶ Передовая статья // Новое время. 1888. № 4574. 20 ноября. С. 1.

ным, чиншевой закон, закон об иностранных поселенцах». Газета подчеркивала, что «главные трудности возникнут при их исполнении, тем более что самые законы составлялись в предположении, что они будут приводиться в исполнение при участии и руководстве генерал-губернаторской власти». При этом отмечалось, что «какую бы деятельную переписку ни вело министерство с местной губернской администрацией, какие бы подробные сведения оно ни получало, при обсуждении и решении исключительных дел, при решении вопросов, имеющих политический характер, бумажное производство никогда не заменит живого наблюдения на месте, живого и постоянного опыта». И наконец, газета указывала на то, что «все правительственные учреждения в крае, разделенные по различным ведомствам, находили в лице генерал-губернатора известный объединявший их деятельность центр», который, «не вмешиваясь непосредственно в различные отрасли административного управления, давал известный общий тон, облегчавший достижение государственных целей совокупными усилиями»³⁷.

Передовицу от 23 ноября «Киевлянин» посвятил исключительно полемике с «Гражданином», по уже установившейся традиции указывая на совпадение позиции Мещерского «с пожеланиями польских газет», а также на «безграмотность, служащую неизбежно приправой каждой статьи “Гражданина”». Не забыла киевская газета и посмеяться над «опытностью» князя, заключавшейся в трех месяцах жизни и трех поездках в Юго-Западный край: «Поляки хотя живут в крае постоянно, знают и чувствуют на себе влияние генерал-губернаторской власти в течение многих лет, но все же в таком важном для них деле они научились за десятки лет меньше, чем проницательный редактор “Гражданина” за три месяца». Наконец, с особенной едкостью отмечалось, что «патриотическая газета, в своей неподражаемой наивности и полной свободе от знакомства с политическими доктринами, начинает развивать теорию вреда “безответственной власти”, предполагая, что это “принцип государственной мудрости”, а не давно известные зады либеральных политических учений, для которых критика безответственности власти была любимым коньком». Как следствие, «“Гражданин” представляет... удивительное зрелище газеты, которая ежедневно твердит о своем консерватизме, но, как оказывается, не имеет ни малейшего представления о сущности этих принципов и вытекающих из них следствий»³⁸.

Таким образом, «Гражданину» одновременно ставились в вину либерализм, сочувствие полякам и приверженность «централизованной доктрине», т. е. стремление лишить местную власть ее полномочий и подчинить контроль министерству. Это, по мнению киевского публициста, «не имеет почвы ни в государственной практике, ни в основных... законах, так как министры вовсе не являются исключительными носителями полномочий Верховной Власти»³⁹.

Дальнейшую полемику о генерал-губернаторстве продолжили либеральные «Новости», тоже традиционно полемизировавшие с «Новым временем» и постоянно служившие объектом антисемитских выпадов суворинской газеты. «Новости» не без иронии посочувствовали столь же антисемитской газете Мещерского: «Бедному “Гражданину” едва ли не в первый раз в жизни пришлось высказать

³⁷ Передовая статья // Киевлянин. 1888. № 227. 20 ноября. С. 1.

³⁸ Передовая статья // Там же. № 253. 23 ноября. С. 1.

³⁹ Там же.

здоровое и, во всяком случае, заслуживающее внимания мнение; но и тут он должен поплатиться, подпав под опалу тех газет, которые страдают дурной привычкой выставлять себя в качестве монополюсно-сведущих людей по так называемому “русскому делу”. Солидаризируясь с «Гражданином», «Новости» указывали на то, что «в исключительности и в самом существовании генерал-губернаторского управления содержится явное указание и, как бы, признание, что такие древние русские местности, как, например, Киев или Волынь, вовсе еще не скреплены с государством, представляют нечто особое, точно это, на самом деле, “забранный край”, как выражались поляки, который рано или поздно придется кому-то возвратить. Генерал-губернаторское управление в Киеве или Вильне как бы поддерживает старую польскую государственную идею». Отрицая наличие в крае указанных «Новым временем» и «Киевлянином» угроз, «Новости» возмущались: «Тут, вдруг, нас уверяют, что Киев с его святыней или древнерусский Острог и Почаев очутятся в беззащитном положении, если киевское генерал-губернаторство перестанет существовать!.. Киевская губерния всегда была и есть самая русская из всех девяти западных губерний, а Подолье и Волынь, наполненные малорусским народом, почти не принимали участия в бывших в 1831 и 1863 годах беспорядках; но, если верить защитникам генерал-губернаторской должности, — Мерв и ахалтекинцы теснее и прочнее теперь связаны с Россией, нежели шестимиллионное население древнерусских областей!»⁴⁰

При этом газета крайне скептически отзывалась о деятельности большинства занимавших должность: «В самом деле, за все время существования киевского генерал-губернаторства мы знаем только два периода, когда государственные задачи в этом крае были поставлены широко и более или менее радикально удовлетворяли интересам “русского дела”. Это было время генерала Д. Г. Бибикова, когда были введены инвентари и сделано было много в пользу русского просвещения, и кратковременное управление генерала А. П. Безака, когда крестьянское дело снова получило правильное разрешение. Во всех других случаях генерал-губернаторы или благодумствовали и представляли из себя весьма милых и приятных, но малодеятельных людей, или же старательно разделявали и портили все то, что было поставлено на ноги их предшественниками. Да и не удивительно — генерал-губернаторское управление по необходимости построено на начале личного усмотрения: отсюда является столько систем, сколько генерал-губернаторов. От подобных, всегда вредных, шатаний предохранены те губернии, которые находятся под действием общих законов и более устойчивых указаний центрального правительства. Теперь, в век железных дорог, телеграфов и телефонов, решительно трудно понять — для какой надобности необходимо удержание лишней инстанции между губернией и министерствами?..»⁴¹

Отрицая необходимость чрезвычайного характера местной власти, «Новости» завершали свои рассуждения следующим образом: «В нынешнем году, в время юбилейных празднеств в Киеве, все видели и чувствовали, что находятся в коренном, древнейшем русском городе; а в 1863 году Киев поражал своей польской окраиной. Все это сделано не отрицательными мерами и не запрещениями, о которых давно позабыли, за ненадобностью. Это достигнуто университетом, учебными за-

⁴⁰ Передовая статья // Новости. 1888. № 309. 23 ноября. С. 2.

⁴¹ Там же.

ведениями, новыми судами, новым городским общественным управлением, развитием местной печати и книжной торговли, театром, оперою, железными дорогами, развитием нравственных, умственных и экономических связей. Мы убеждены, что если бы в западных губерниях введены были земские учреждения взамен генерал-губернаторства, — они совершили бы то, что сделано городским общественным управлением, т.е. объединили бы и поставили на должную высоту русские общественные силы, которые никогда не проспят того, что проглядели два раза (в 1831 и 1863 гг.) бюрократические учреждения»⁴².

Своеобразную позицию заняла газета «Киевское слово». 19 ноября она солидаризировалась с «Гражданином», процитировав из его «весьма серьезной» статьи четырехдневной давности абзац о благотворных последствиях ликвидации генерал-губернаторства в Остзейском крае⁴³. Однако неделю спустя редакция обрушилась с резкой критикой на оппонентов «Гражданина», обвинив уже их не только в солидарности с «польской интригой», но и в отстаивании прусских интересов: «Пресса эта доказывает, что в Юго-Западном крае все меры правительства, проводимые генерал-губернаторами, не достигли и не достигают цели, что хохлы желают “гетьманства” и ненавидят “кацапов”, что поляки ничего общего не имеют с русскими, по-русски ни слова не знают, презирают все русское и т.д. Все это теперь доказывает и... “Новое время” <...> Это душу возмущающий вздор. Это публицистическая оргия, тем более возмутительная, что здесь разврат носит маску русского патриотизма». Однако, сурово обличив националистическую печать, «Киевское слово» тем не менее высказалось в поддержку самого учреждения: «Генерал-губернаторство существует в Москве вовсе не по тем мотивам, во имя которых отстаивает сохранение этой власти петербургская газета. По тем же основаниям, по коим учреждено московское генерал-губернаторство, необходимо сохранение высшего представительства верховной власти и в Киеве, городе старейшем из русских стольных городов». Для окончательной же интеграции западнорусских окраин газета требовала распространения на них земства: «Земское хозяйство — лучшее средство к сближению русских землевладельцев с польскими. На нейтральной почве местных интересов и местного хозяйства и те и другие получают возможность работать сообща на пользу всей страны»⁴⁴. Два дня спустя «Киевским словом» были поддержаны уже «Новости», при этом был процитирован текст «Новостей» о киевских торжествах как подтверждение успешного «обрусения» Киева⁴⁵.

В тот же день, 27 ноября, свою полемику с «Гражданином» продолжил «Киевлянин». Признав справедливость утверждений Мещерского о «неудачной деятельности» таких генерал-губернаторов, как А. Л. Потапов и А. А. Суворов, газета указала на то «существенное обстоятельство», что эта деятельность «соответствовала... тем воззрениям, которые в то время господствовали в Петербурге». Однако главным объектом критики стало утверждение Мещерского о «красных крестьянских учреждениях», нарушавших права помещиков: «Это не портреты, даже не карикатуры на действительность, а просто повторение давно забытых разглагольствований “Вести” против мировых посредников, работавших во время управления

⁴² Там же.

⁴³ Русская печать // Киевское слово. 1888. № 537. 19 ноября. С. 3.

⁴⁴ Передовая статья // Там же. № 541. 25 ноября. С. 2.

⁴⁵ Передовая статья // Там же. № 513. 27 ноября. С. 2.

Юго-Западным краем ген[ерала] Безака. Это не мешает, впрочем, “Гражданину” признавать именно генерала Безака выдающимся генерал-губернатором, много сделавшим для русского дела, — что совершенно верно. Против таких обвинений было бы излишне спорить, а можно только напомнить, как и сделало “Новое время”, что “Весть”, несмотря на свое консервативное направление, в вопросах, касавшихся Западного края, инспирировалась кружком Огрызко и Сераковского». По мнению «Киевлянина», «нарекания на крестьянские учреждения» можно услышать только от поляков, а также от тех землевладельцев, которые, «приобретая имения в Юго-Западном крае», либо «не ознакомились с условиями местного землевладения», либо «торговали своими русскими фамилиями, отдавая их на прикрытие польских и еврейских покупок земли»⁴⁶.

«Гражданин» в ответ напечатал письмо «русского помещика из Юго-Западного края», отрицавшего саму возможность нового польского восстания: «Польский мятеж 1831 года мог быть только при существовании крепостного права; а в 1863 году — при обязательных еще тогда к помещикам отношениях крестьян <...> Но в настоящее время, когда не только крестьяне, но даже простая польская шляхта, получившая от правительства, по праву чиншевиков, наделы земли, — совершенно освободились из под влияния польских помещиков <...> новый мятеж решительно немислим... что сознают и сами помещики, и мелкая шляхта, облагодетельствованная правительством в смысле укрепления за ней чиншевых наделов земли». Автор предлагал не ассимилировать местных поляков, которые, «по своей уже натуре, никогда не сольются с русскими и всегда будут враждебны последним», но «обезвредить» их посредством ряда мер, таких как назначение ксендзов из немцев, «устранение» поляков от государственной и полицейской службы, ужесточение запретов на приобретение ими имений⁴⁷.

Итог затухавшей дискуссии подвела ответная публикация «Нового времени». Кратко и вполне тенденциозно охарактеризовав позиции участников спора, газета отдельно посмеялась над «Киевским словом», которое, «не имея уверенности, что генерал-губернаторство в Киеве упразднено, ухитрилось в одной и той же статье, по одному и тому же вопросу, сказать да и нет». Упомянуло суворинское издание и о предложении «Новостей» и «Киевского слова» о введении на западных окраинах земств, намекнув на выгодность этого для поляков и евреев. Досталось, разумеется, и «русскому» корреспонденту «Гражданина», чьи «непозволительные глупости» никак не заменяли уже испытанного инструмента генерал-губернаторской власти⁴⁸.

На этом полемика о киевском генерал-губернаторстве затихла. В фондах Главного управления по делам печати нами не выявлено материалов, подтверждающих официальный запрет полемики. Возможно, как это все чаще практиковалось в тот период, данный запрет носил устный характер. Кроме того, к этому моменту снизилась острота противостояния между Победоносцевым и Филипповым. Уменьшилась и острота противоречий между национальным и сословным лагерями консерваторов. С одной стороны, решение вопроса о русско-французском сближении, что

⁴⁶ Передовая статья // Киевлянин. 1888. № 257. 27 ноября. С. 1.

⁴⁷ Письмо русского помещика из Юго-Западного края о генерал-губернаторах // Гражданин. 1888. № 332. 29 ноября. С. 2.

⁴⁸ Кто с кем и кто за что // Новое время. 1888. № 4584. 1 декабря. С. 2.

было одним из камней преткновения, окончательно взяла на себя государственная власть; с другой — обсуждение проекта Пазухина и Толстого представлялось консерваторам более важным.

Тем не менее полемика 1888 г. заслуживает нашего внимания. Спор о необходимости сохранения на западнорусских окраинах «чрезвычайного» института генерал-губернаторства одновременно был и спором о том, в какой степени решен в этих регионах польский вопрос. Poleмика показала объективный характер противостояния двух консервативных лагерей: националисты традиционно видели врага в поляках и искали опоры в местном крестьянстве, сословные консерваторы воспринимали в апелляции к крестьянству проявление революционной крамолы и, выступая в защиту помещиков, не могли не способствовать смягчению пережитков прежней «системы Муравьева».

Однако сословные консерваторы 1880-х гг. сильно отличались от «аристократической партии» 1860-х. «Партия “Вести”» была по преимуществу западнической и, полемизируя со славянофилами, апеллировала к «карамзинской» традиции, видевшей в дворянстве опору европейского Просвещения. Консерваторы 1880-х гг. выросли скорее из «русской партии» времен польского мятежа 1863 г. и, даже полемизируя с националистами, сохраняли солидарность с «виленскими русификаторами». Предлагавшиеся националистами политические решения, такие как сохранение чрезвычайной генерал-губернаторской власти, они отвергали во многом из-за того, что отрицали их полезность для реализации национальных задач, подобно тому, как классик сословного консерватизма 1880-х К.Н. Леонтьев критиковал политический национализм, так как считал его вредным для обладавшего творческим потенциалом «национализма культурного»⁴⁹. Характерно, что в то самое время, как националистическое «Новое время» полемизировало с «Гражданином» и последний в рамках этого спора печатал леонтьевские статьи, на страницах суворинской газеты эти статьи оценивались крайне высоко. Только теоретические построения Леонтьева обращались не против болгарских «буржуа», а против греческих⁵⁰. В том же номере «Нового времени» прославлялась идея «восточничества» и русско-турецкого союза⁵¹. Таким образом, националисты этого времени также испытали на себе воздействие одного из наиболее ярких представителей сословно-консервативного лагеря.

References

- Alekseeva S. I. K. P. Pobedonostsev v otsenke T. I. Filippova. *Konstantin Petrovich Pobedonostsev: myslitel', uchenyi, chelovek*. St. Petersburg, [s. n.], 2007, pp. 120–126. (In Russian)
- Arzhakova L. M. *Rossiiskaia istoricheskaia polonistika i pol'skii vopros v XIX veke*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2010, 343 p. (In Russian)
- Chernikova N. V. *Portret na fone epokhi: kniaz' Vladimir Petrovich Meshcherskii*. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2017, 479 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Belousov M. S., Belousov A. S., Teslia A. A., Komzolova A. A., Kotov A. E., Banashkevich M., Gusman L. Iu., Puchenkov A. S., Samylovskaiia E. A., Kudriavtseva R.-E. A. *Nasledie Rechi*

⁴⁹ Хатунцев С. В. К. Н. Леонтьев о национализме и национальной политике // Страницы истории и историографии отечества. Вып. 3. Воронеж, 2001. С. 128–143.

⁵⁰ Среди газет и журналов // Новое время. 1888. № 4578. 25 ноября. С. 4.

⁵¹ Русская государственная идея и магометанство // Там же. С. 3.

- Pospolitoi v imperskom intellektual'nom prostranstve*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2022, 476 p. (In Russian)
- Fedorov D. A. Dmitrii Ivanovich Pikhno — redaktor-izdatel' gazety "Kievlianin" (1879–1913 gg.). *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii*, 2021, vol. 17, no. 4, pp. 157–167. (In Russian)
- Fetisenko O. L. "Geptastilisty": Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki: (Idei russkogo konservatizma v literaturno khudozhestvennykh i publitsisticheskikh praktikakh vtoroi poloviny XIX — pervoi chetverti XX veka). St. Petersburg, Pushkinskii Dom Press, 2012, 784 p. (In Russian)
- Głębocki H. A *Disastrous Matter: The Polish Question in the Russian Political Thought and Discourse of the Great Reform Age, 1856–1866*. Krakow, Jagiellonian University Press, 2018, 352 p.
- Khatuntsev S. V. K. N. Leont'ev o natsionalizme i natsional'noi politike. *Stranitsy istorii i istoriografii otechestva*, issue 3. Voronezh, Voronezh State University Press, 2001, pp. 128–143. (In Russian)
- Kolman Kh. "Po stsenariiu vlastei?": Pobedonostsev i prazdnovanie 900-letii kreshcheniia Rusi v Kieve. *Rodina*, 2015, no. 2, pp. 72–74. (In Russian)
- Kotov A. E. "Narodnost" i "soslovnost": dva poliusa russkogo konservatizma. *Khristianskoe chtenie*, 2017, no. 2, pp. 288–306. (In Russian)
- Kotov A. E. "Nravstvennyi Kavkaz" I. P. Kornilova. *Rossiiskaia istoriia*, 2018, no. 5, pp. 46–59. (In Russian)
- Kotov A. E. "Nestlings from the Katkov Brood" in the Late 1880s: Nationalists in the Empire. *Social Sciences*, 2023, vol. 54, pp. 106–120.
- Kuznetsov O. V. R. A. *Fadeev: General i publitsist*. Volgograd, VGU Press, 1998, 182 p. (In Russian)
- Natsional'nye okrainy v politike Rossiiskoi imperii i russkoi obshchestvennoi mysli*. Ed. by A. T. Urushadze. Rostov-on-Don, IuNTs RAN Press, 2020, 608 p. (In Russian)
- Polunov A. Iu. *K. P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoi i dukhovnoi zhizni Rossii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 374 p. (In Russian)
- Vedernikov V. V. Natsional'nyi vopros v zerkale konservativnoi publitsistiki. *Gazeta "Vest"*. *Istoricheskie zapiski*, 2006, no. 9, pp. 137–169. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 1 марта 2023 г.

Рекомендована к печати 17 июля 2023 г.

Received: March 1, 2023

Accepted: July 17, 2023